

Донесения белых агентов в Красной армии. 1919 г.

Летом 1919 г. Украина была занята войсками Вооруженных сил на Юге России (ВСЮР) А.И. Деникина, при этом сыграло существенную роль содействие им со стороны антибольшевистского подполья. Весной—летом 1919 г. белые подпольщики действовали в штабе 2-й советской Украинской армии, которой командовал бывший штабс-капитан А.Е. Скачко. Пользуясь наличием компрометирующих Скачко данных, к нему в штаб секретарем для особых поручений устроился его старый знакомый, белый агент (сотрудник Харьковского центра), впоследствии полковник, А.М. Двигубский. Он поддерживал связь со штабом главнокомандующего ВСЮР. С целью облегчить положение деникинских войск он организовал в украинской советской печати пропагандистскую кампанию о необходимости помочь советской Венгрии и об организации для этого наступления на Польшу и Румынию. В подчинении Харьковского центра оказалась телеграфная сеть советской Украины, использовавшаяся для передачи ложных приказов советским частям¹. Используя свое влияние на Скачко и играя на противоречиях между военным руководством РСФСР и УССР, Двигубский сумел войти в доверие к командующему советским Украинским фронтом В.А. Антонову-Овсеенко и подготовил для него доклад, давший Антонову-Овсеенко необходимые аргументы против находившегося с ним в конфликте командующего войсками Южного фронта РСФСР В.М. Гиттиса. В результате Двигубский под фамилией Захаров оказался на службе уже в штабе Антонова-Овсеенко, где развернул подрывную работу в еще большем масштабе.

Антонов-Овсеенко поручил ему разработку плана наступления на Румынию. После провала этого наступления Двигубский в июне 1919 г. отчетывался непосредственно перед председателем РВСР Л.Д. Троцким. При этом он возложил ответственность за неудачи на Антонова-Овсеенко, чем, если верить отчету Двигубского, укрепил Троцкого в мысли снять Антонова-Овсеенко с его поста и покончить с украинской партизанщиной. В дальнейшем сотрудники Двигубского содействовали занятию белыми Харькова и раскрыли оставленную в городе советскую агентуру.

Белые агенты, рапорты которых публикуются ниже, были связаны с Киевским центром. В это время центром руководил полковник Н.В. Ерарский. Разумеется, оценивая то, что изложено в публикуемых рапортах, приходится учитывать, что агент всегда стремится представить результаты своей работы в

самом лучшем виде, тем более что в белом лагере за службу бывших офицеров у красных полагался суд с перспективой наказания вплоть до смертной казни. Вполне естественным было желание прошедших через службу в РККА обезопасить себя подобными документами, свидетельствующими о весомом вкладе белых подпольщиков в разгром красных. Неслучайно, например, бывший подполковник А.И. Парв, у красных — начальник оперативного отдела, а затем начальник штаба группы войск Сумского направления, в своем рапорте сообщал, что, не имея связи с белыми, сосредоточил свои усилия на срыве операций красных, причем был вынужден действовать наугад.

Группа войск Сумского направления 19 июля 1919 г. была переименована в 41-ю стрелковую дивизию. Дивизия входила в состав 14-й армии. Начальником группы и дивизии в июне—октябре 1919 г. был бывший подполковник М.В. Молкочанов. Начальником штаба группы со 2 июля являлся генштабист А.Ф. Григорьев, вскоре расстрелянный в Глухове. Оперативный отдел с 9 июля возглавлял автор рапорта. Начальником административного отдела был подполковник И.Н. Скорино. Оперативное отделение штаба с 1 августа возглавлял подполковник Н.Н. Ермолов, позднее пропавший без вести, а затем вновь оказавшийся в РККА. Наконец, вр.и.д. инспектора кавалерии с 28 июля был однокашник Молкочанова капитан В.А. Срывалин, перешедший к белым при отходе РККА с Украины.

Если верить публикуемым документам, во многом благодаря деятельности Парва белые 28 июля взяли Полтаву, а управление войсками Сумской группы красных оказалось настолько нарушено, что большевикам пришлось оставить город Сумы. Затем Парв уехал в командировку в Киев и скрывался до прихода белых.

Другой белый подпольщик, подполковник Н.Ф. Соколовский, служил у красных помощником начальника отдела обороны организационного управления штаба Наркомата по военным делам Украинской ССР. По его словам, он преднамеренно составил невыполнимые расчеты мобилизации населения в украинские советские формирования. Наркомвоенмор Украинской ССР Н.И. Подвойский утвердил эти расчеты, «переварить которые Украина не могла бы и в несколько лет»². О невыполнимости мобилизационных планов впоследствии писал командующий Украинским фронтом Антонов-Овсеенко. По его свидетельству, фронт запросил от наркомата значительные пополнения, однако наркомат наметил еще более широкую программу формирований — до 249 тыс. человек при 65 тыс. лошадей. В то же время некомплект к 1 июня 1919 г., по данным Антонова-Овсеенко, составлял 287 тыс. человек и 134 тыс. лошадей³.

При этом Антонов-Овсеенко оставил поразительное по своей наивности свидетельство. Он писал о чрезвычайной осведомленности противника «о состоянии вооруженных сил Красной армии... За одним и чрезвычайно характерным исключением — боевого состава нашего Украинского фронта. Мы эту законспирированность нашу приписали... отсутствию планомерного контакта советской украинской армии с штабом фронта... Сведения о численном составе и т.п. сосредоточивались у особо доверенных лиц»⁴. Публикуемые документы дают действительную картину и опровергают это заявление.

Между тем Антонову-Овсеенко еще 23 февраля в Орле докладывали о возможном наличии белой агентуры в штабе армий Украинского фронта, который возглавлял бывший полковник В.П. Глаголев. Проверкой занялся особый отдел; при обысках были найдены компрометирующие сотрудников штаба документы и погоны. Но при чистках чаще страдали не причастные к подполью люди. Например, весной 1919 г. на фотографии штаба гетмана П.П. Скоропадского был опознан бывший генерал-майор М.В. Басков, за-

нимавший к этому времени должность начальника оперативного отделения оперативного управления штаба армий Украинского фронта по рекомендации Глаголева. Басков был расстрелян⁵, но нет никакого подтверждения тому, что он действительно был связан с белым подпольем⁶.

Белые агенты действовали по единой схеме — пытались максимально оттянуть части красных с деникинского фронта, направив их на Запад и Юго-Запад Украины или на борьбу с крестьянами-повстанцами («внутренний фронт»). Подполковник Соколовский способствовал углублению конфликта в советском военном руководстве на Украине между Подвойским и Антоновым-Овсеенко. Кроме того, Соколовский поспособствовал тому, что красным 30 августа пришлось оставить Киев, хотя ему не удалось организовать окружение советской группировки.

Все названные агенты были офицерами Генерального штаба, некоторые, как Соколовский и Глаголев, кавалерами Георгиевского оружия за первую мировую войну, то есть храбрыми людьми, обладавшими к тому же высоким образовательным цензом, и умело вели свою рискованную работу. Как отметил В.Г. Бортневский, «страницы не писанной пока истории разведки и контрразведки Белого Юга... связаны с самоотверженной и высокопрофессиональной деятельностью одиночек»⁷.

Но отдельные, пусть даже крупные, успехи белых агентов в красных штабах не смогли переломить ход гражданской войны, сорвать создание Красной армии, которую планомерно выстраивали большевики. В некоторых случаях белые, даже владея важнейшей оперативной информацией из советских штабов, добытой агентами со смертельным риском, не могли ею воспользоваться из-за отсутствия сил на фронте. Генерал-майор А.А. фон Лампе впоследствии отмечал в дневнике: «А если правы те, кто говорит, что красные начальники играли в поддавки, то как же надо объяснить все же наше конечное поражение... Выходит уж очень плохо»⁸.

Документы демонстрируют наличие у подпольщиков собственной организации, а также сочувствие их идеям и действиям со стороны многих военных специалистов, служивших в РККА. Их рапорты содержат данные, позволяющие пересмотреть принятую в историографии версию развития событий на Украине летом 1919 года. Проясняются противоречия, существовавшие у высшего украинского военного руководства с Москвой, а также взаимоотношения внутри командного состава украинских советских формирований.

Публикуемые документы (заверенные машинописные копии) обнаружены в Российском государственном военном архиве (ф. 40238 «Военное управление Особого совещания при Главнокомандующем ВСЮР»), их фотокопии также хранятся в Киеве, в Центральном государственном архиве общественных организаций Украины (ф. 57 «Коллекция документов по истории Коммунистической партии Украины»).

В 1928 г. полковник Я.М. Лисовой в парижском «Белом архиве» предпринял публикацию рапортов, но, чтобы не навредить упоминаемым в документах лицам, вычеркнул имена белых подпольщиков и их сослуживцев и сведения о занимаемых подпольщиками должностях, а также наименования воинских частей и соединений. От этого документы утратили всякую привязку к конкретным событиям и людям (имена этих белых агентов остаются неизвестными в литературе⁹), и их значение как источника существенно снизилось. Более того, в тех случаях, когда делаемые купюры лишали текст смысла, Лисовой допускал редактирование, искажающее документы. В обнаруженных экземплярах сохранились карандашные пометки Лисового, готовившего рапорты к публикации и отмечавшего в тексте места, не подлежащие оглашению. К сожалению, эти искажения иногда приводят исследователей к

ошибкам. Я.Ю. Тинченко утверждает, в частности, что авторство одного из документов якобы принадлежит генштабисту С.Н. Жагун-Линнику, который в изложении автора предстает чуть ли не как забытый белый супершпион¹⁰.

В архиве Службы безопасности Украины (ГАСБУ) сохранилось личное следственное дело Жагун-Линника. Этот и некоторые другие материалы позволяют с уверенностью сказать, что никаким супершпионом он не являлся. Линник, наоборот, с трудом ориентировался в быстро менявшейся обстановке, в результате чего сидел в тюрьме при всех режимах (при гетмане П.П. Скоропадском, главе Директории С.В. Петлюре, большевиках, Деникине и снова при большевиках). У Деникина этот офицер Генерального штаба довольствовался службой в караульном батальоне¹¹.

Первые два публикуемых доклада как при хранении в архивных делах, так и у Лисового соседствуют, взаимно дополняя друг друга. Очевидно, было согласованным и их написание Парвом и Соколовским при переходе на сторону белых в Киеве 25 и 29 августа (ст.ст.) 1919 г., соответственно.

Судьбы Соколовского и Парва сложились непросто. Соколовскому за чем-то понадобилось в 1922 г. вернуться из эмиграции в Россию, где оставались жена и дочь. Вскоре по возвращении он был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму. Интересно, что его супруга в анкете, составленной для московского политического Красного Креста, живописала, как Соколовского преследовали при белых¹². Дальнейшая судьба белого разведчика неизвестна. Путь Парва оказался не менее тяжелым. В эмиграции он жил в Эстонии, а во время ее присоединения к СССР в 1940 г. был арестован и многие годы провел в тюрьме, умер в Верхнеуральске в 1949 году.

В качестве дополнения к документам Парва и Соколовского публикуется доклад о деятельности еще одного белого подпольщика — начальника Киевского центра полковника А.В. Станиславского. Видный военный специалист, один из большевистских консультантов на мирных переговорах в Брест-Литовске, Станиславский был в числе создателей советской военной разведки и контрразведки. Он занимал должность 3-го обер-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба, начальника военно-статистического отдела и разведывательной части Всероссийского главного штаба и стал членом комиссии по организации разведывательного и контрразведывательного дела. Есть сведения о том, что он сотрудничал с представителями Антанты, еще находясь на советской военной службе: начальник французской военной миссии в Москве выдал ему свидетельство о том, что Станиславский «честно поддерживал связь с французской миссией, давал сведения по разведке, не считаясь с тем, что мог быть за это арестован»¹³. За эти заслуги генштабист был представлен к награждению офицерским крестом французского ордена Почетного легиона.

22 сентября 1918 г. он подал рапорт об отставке по состоянию здоровья и семейным обстоятельствам, затем выехал в командировку в район Брянска и перешел на украинскую территорию. Накануне, 21 сентября, Станиславский получил предписание отправиться в 3-ю армию Восточного фронта¹⁴. Возможно, между этими событиями существует прямая взаимосвязь. Подобные Станиславскому офицеры, ориентировавшиеся на верность союзникам России по первой мировой войне, пытались по возможности избегать участия в гражданской войне на стороне большевиков.

Обосновавшись в Киеве, Станиславский стал одним из видных деятелей антибольшевистского подполья. Разумеется, с занятием Киева красными 5 февраля 1919 г. он не мог вернуться к ним на службу и находился на нелегальном положении, не раз менял фамилию и квартиру. Хотя в это время Станиславский не служил в РККА, он содействовал успешной работе

белой агентуры у красных, координировал ее деятельность. Летом 1919 г., когда продолжение подпольной работы стало слишком рискованным, он под видом рабочего уехал в Варшаву, а оттуда через Вену и Константинополь перебрался на юг России к белым.

Документы публикуются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей оригинала.

Вступительная статья, публикация и примечания **А.В. Ганина**.

Примечания

Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках проекта № 11-31-00350а2 «Военная элита в годы гражданской войны 1917—1922 годов».

1. ДВИГУБСКИЙ А.М. Отчет о деятельности харьковского разведывательного центра. Харьков. 2007, с. 13, 15; Русское прошлое, 1991, кн. 1, с. 150—172.
2. Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 40238, оп. 2, д. 5, л. 54.
3. АНТОНОВ-ОВСЕНКО В. Записки о гражданской войне. Т. 4. М. 1933, с. 132, 133.
4. Там же, с. 87—88.
5. Там же. Т. 3. М. 1932, с. 173—174, 296. Антонов-Овсенко неверно указывает бывшее звание и должность Баскова.
6. Данные о судьбе Баскова в различных источниках расходятся. По одним документам, он действительно был расстрелян Киевской ЧК в конце марта 1919 г. (РГВА, ф. 6, оп. 4, д. 922, л. 39). По другим сведениям, пропал без вести при эвакуации красными Украины (там же, ф. 11, оп. 5, д. 69, л. 38). Сведения о расстреле, однако, подтверждаются: 23 августа (5 сентября) 1919 г. белыми в Киеве было выдано соответствующее удостоверение его вдове Вере Андреевне, которая с сыном Борисом 14 лет и дочерьми Надеждой 13 лет и Верой 10 лет отправлялась в Таганрог (там же, ф. 39694, оп. 1, д. 74, ч. 1, л. 361).
7. БОРТНЕВСКИЙ В.Г. Избр. труды. СПб. 1999, с. 303.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. Р-5853, оп. 1, д. 10, л. 31.
9. См., напр.: КИРМЕЛЬ Н.С. Белогвардейские спецслужбы в гражданской войне. 1918—1922 гг. М. 2008. Публикацию Лисового см.: Белый архив, 1928, т. 2-3, с. 138—150.
10. ТИНЧЕНКО Я. Белогвардейское подполье. — Киевские ведомости, 4.X.2005.
11. Центральный государственный архив общественных организаций Украины (ЦДАГОУ), ф. 263, оп. 1, д. 44259, л. 10.
12. ГАРФ, ф. Р-8419, оп. 1, д. 248, л. 78.
13. ОСТРЯКОВ С.З. Военные чекисты. М. 1979, с. 25.
14. РГВА, ф. 11, оп. 5, д. 1124, л. 143; оп. 6, д. 132, л. 49.

№ 1. Рапорт подполковника А.И. Парва, 25 августа 1919 года

Копия. Совершенно секретно.

Генерального штаба подполковник *Александр Иванович Парв* ¹.

«25» августа 1919 г. ² № 97. Г. Киев.

Представителю Русской Добровольческой армии в г. Киеве Генерального штаба полковнику Баумгартену ³.

Рапорт.

Согласно предписания представителя Добровольческой армии в Киеве (*А. Семенова*) от 25 июня (нов.ст.) с.г. за № 311 я поступил в Красную армию, в штаб группы войск *Сумского* направления, где я находился непрерывно с 10 июля по 15 августа (нов.ст.) в должности начальника *оперативного* отдела

Ганин Андрей Владиславович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, редактор отдела военной истории журнала «Родина».

и начальника *штаба* группы. Соответствующая инструкция мною была получена от Генерального штаба подполковника *Николая Федоровича Соколовского* ⁴.

В ночь с 9 на 10 июля я прибыл на ст. Ворожба и ввиду ночного времени решил остаться в зале 1 класса до утра. Около 6 часов утра ко мне подошел член местного отдела чрезвычайки с 4 вооруженными китайцами и заявил, что я арестован по подозрению в дезертирстве и шпионаже в пользу Добрармии. Это обстоятельство меня несколько озадачило, т.к. у меня в платье было зашито вышеуказанное предписание. Предъявленные мною документы, выданные мне распоряжением Наркомвоенна, оказались члену чрезвычайки подложными, и он приказал китайцам отвести меня и подполковника *Ивана Николаевича Скорину* ⁵ в вагон для обыска с ног до головы, как он выразился. Все мои просьбы отпустить меня в штаб группы для проверки документов не привели ни к чему. Китайцы уже приступили к распределению между собою моих вещей. В это время к нам подошел начальник команды китайцев, бывший прапорщик, и вновь осмотрел наши вещи и документы, которые были за подписью 1-го помощника начштаба Наркомвоенна Шапошникова ⁶ и за печатью штаба Наркомвоенна. После долгих переговоров и угроз, наконец, меня и *Скорину* отправили в штаб группы под конвоем 8 вооруженных китайцев. Вр.и.д. начштаба группы полковник Григорьев ⁷, бывший сотрудник Харьковского окрвоенкома, и политком штаба рабочий Васильченко, проверив наши документы, немедленно нас освободили. В тот же день командующий группой ⁸ назначил меня начальником *оперативного* отдела *штаба группы*, а через 2 дня я был назначен начальником штаба группы.

К 10 июля *сумская* группа состояла из 3-х пех. бригад (1-й, 2 и 3), отряда матросов, одной кавал. бригады и 11 батарей, всего около 7500 штыков, 350 сабель и 36 орудий. Кроме того, к группе приданы были еще 2 бронепоезда: «Молния» и «Воля», из коих первый работал на линии ст. Смородино — г. Богодухов, второй — ст. Готня — ст. Одноробовка. Дух войск был удовлетворительный, с точки зрения советской власти.

Группа имела задачей активно оборонять участок от с. Мерефа через Богодухов до м. Борисовка, всего протяжением около 90 верст. Вся группа была разделена на 2 боевых участка: правый товарища Пархоменко (бывший слесарь) ⁹ в составе 2 и 1 бриг. и левый товарища Саблина ¹⁰, в составе 3 бригады. Конная бригада работала в районе правого боевого участка, но подчиниться Пархоменке отказалась.

Командующим группой состоял *Молкачанов*, окончивший ускоренные академические курсы в 1917 году. Начальником оперативного отделения состояли сначала штабс-капитан *Александр Николаевич Стычинский*, сочувствующий коммунистической партии, а затем Генерального штаба подполковник *Николай Николаевич Ермолов* ¹¹, а *Стычинский* был мною назначен помощником начальника *оперативного отделения*. Вся власть в штабе группы принадлежала Реввоенсовету в составе Молкачанова, Рухимовича ¹², Иванова ¹³ и Артема ¹⁴. Политотдел штаба, состоявший исключительно из евреев, оказывал некоторое влияние на работу штаба, благодаря шпионажу и наблюдению за всеми служащими штаба — особенно за кадровыми офицерами. Кроме того, работа ответственных работников контролировалась политкомандой из матросов, солдат и рабочих. При штабе состоял, но никому не подчинялся, особый отдел, который ведал контрразведкой и агентурной разведкой. Агенты посылались также и для поднятия восстания в тылу Добрармии и в районе Харькова, Чугуева, Змиева, Екатеринослава и Донецкого бассейна. Агенты снабжаются фальшивыми паспортами и удостоверениями, которые опечатываются на куске холста и зашиваются в одежду или сапоги.

Отсутствие у меня связи с командованием Добрармии сильно затрудняло мою работу, заставляя иногда работать наугад или же добывать нужные сведения при помощи органов разведки штаба группы. Ввиду этого моя задача заключалась не в осведомлении, а в непосредственном содействии победам Добрармии на *Сумском* направлении, а также в расстройстве и деморализации всей группы.

Для того, чтобы наилучшим образом выполнить возложенную на меня задачу, я в первые же дни пребывания в штабе добился того, чтобы все без исключения входящие бумаги оперативного и разведывательного характера поступали непосредственно ко мне и чтобы все политработники за всякими справками и объяснениями обращались исключительно ко мне. Это обстоятельство давало мне возможность докладывать командующему только те бумаги, которые я считал нужным, и уничтожить или скрывать те, которые в интересах Добрармии не должны быть известны никому, кроме меня. Результаты этой работы быстро сказались: в течение месяца командующим группой был отдан ряд нецелесообразных распоряжений и 6 боевых приказов о переходе в наступление с целью овладения Харьковом или для восстановления положения после неудачи, но т.к. все эти распоряжения и приказы не соответствовали обстановке, то, естественно, ни один из этих приказов не был выполнен войсками, а все попытки перейти к активным действиям в самом начале кончались поражением. Чем нецелесообразней был приказ, тем энергичней он проводился мною в жизнь путем разговоров по прямому проводу с начальниками боевых участков. Все это на практике сводилось к расстройству частей и подставлению их под удары противника по частям.

Приведу несколько примеров для характеристики работы штаба группы под моим руководством, в период боев с 10 июля по 15 августа включительно.

Прибыв в штаб группы, я прежде всего с разрешения командующего направил все резервы с *Богодуховского* направления, как наиболее важного, на второстепенные боевые участки, с целью якобы заполнения прорывов между частями.

Лихим ударом Добровольцы овладели Богодуховом и прорвали затем фронт группы в направлении на Кириковку. Началось беспорядочное отступление красных к линии р. Ворсклы. Одни части сразу отошли на линию Ворсклы, другие остановились в полпути, а третьи переходили в наступление, что привело к ряду отдельных боев при крайне невыгодной для красных обстановке. Такой беспорядок на фронте мне удалось поддерживать в течение нескольких дней.

Группа войск *Сумского* направления за период так называемой *Богодуховской* операции понесла потери убитыми, ранеными, пленными и без вести пропавшими более 2500 человек. Вскоре после взятия Богодухова добровольцы заняли и Краснокутск, благодаря чему надолго связь между *сумской* группой и левым флангом *полтавской* группы была нарушена. В интересах Добрармии мною не было принято никаких мер для устранения этого опасного положения, что и было учтено и использовано командованием Добрармии при разгроме левого фланга *полтавской* группы красных накануне занятия Полтавы.

Одновременно с отходом главных сил группы на линию Ворсклы от начальников боевых участков начали поступать донесения о больших потерях, об увеличении числа дезертиров, о расстройстве частей, о потере связи со своими подчиненными частями и с соседями и просьбы о присылке пополнения, винтовок, обуви и обмундирования, а также о смене некоторых частей для приведения их в порядок. Наиболее важные из этих донесений мною были скрыты от командующего, и последний, не зная обстановки и

состояния частей, отдал строгий приказ о переходе в общее наступление для восстановления положения и для овладения Харьковом. Членами Реввоенсовета этот приказ был встречен восторженно. Таким образом создалась удобная обстановка для расстройств и деморализации частей. Весь оперативный отдел под моим руководством приступил к энергичному проведению в жизнь этого приказа. Одни части выдвигались вперед, в то время когда другие части, не успевшие еще получить приказа, продолжали отходить к Ворскле или оставались на месте, поэтому все наступательные попытки неизменно кончались поражением. Дезертирство увеличилось.

Такое бесцельное, бессистемное и бесплодное передвижение частей продолжалось несколько дней. На фронт был командирован член Реввоенсовета Рухимович для выяснения причин неудач на месте. По просьбе Рухимовича командующий отменил приказ о наступлении. Части перешли к обороне и приступили к укреплению позиций по р. Ворскле.

Цель моя была достигнута: в то время, когда шли упорные бои за овладение Полтавой, сумская группа вследствие расстройств и дезорганизации вынуждена была бездействовать.

Штаб группы приступил к переформированию всей сумской группы в 41-ю стр. дивизию, согласно приказа командарма-14. Приказано было дивизию сформировать в составе одной кавал. бригады (два полка) и 3-х стр. бригад по три полка, с нумерацией полков 361—369, а всю артиллерию переформировать в 3 дивизиона. Вскоре этот приказ был отменен, но затем вновь был подтвержден к исполнению. К 15 августа сумская группа находилась еще в стадии переформирования. Одновременно с переформированием шло и пополнение частей группы. Эшелоны мобилизованных прибывали на ст. Ворожба под сильным конвоем вооруженных коммунистов и политработников. Несмотря на это, разбежавшихся оказалось 100—300 человек на тысячу. Настроение красноармейцев подавленное, полупаническое, отношение к войне — отрицательное. Ввиду этого, а также ввиду недостатка в частях оружия я старался эшелоны направлять непосредственно в части боевой линии с целью распространения паники и деморализации войск. Некоторые эшелоны направлялись в запасные батальоны в Белополье и в Глухов. Всего было получено около 18 000 пополнения безоружных и около 4000 винтовок.

Тем временем части Добрармии успели захватить Полтаву и продолжали развивать свой успех в направлении на Ромодан.

Путем агентурной и войсковой разведки мне удалось выяснить, что добровольцы готовятся к наступлению против сумской группы и что первый удар последует в направлении на ст. Готню, но все эти сведения я скрывал от всех и стал доказывать, что после занятия Полтавы добровольцы предпримут наступление от Полтавы на север, с целью захвата Сум обходом с запада.

Мои доводы возымели свое действие: внимание штаба было приковано к правому флангу, резерв правого боевого участка был сосредоточен в районе ст. Смородино, резерв командующего — Белопольский полк (бывший запасный батальон) — оставлен был в Белополье.

Во исполнение приказа командарма-14 был отдан приказ о переходе в общее наступление с целью помочь полтавской группе выбить добровольцев из Полтавы; во исполнение этого приказа 2-я бригада выдвинулась за линию Лопуховатый—Пархомовка—Веселая¹⁵, не встретив сопротивления. Дальнейшего развития наступление не получило.

Согласно приказа командюж¹⁶, сумской группе надлежало протянуть свой левый фланг до Ракова, сменив здесь Грайворонский полк курской группы, но т.к. полк в боевом отношении был значительно слабее полков 3-й брига-

ды сумской группы и имея в виду наступление добровольцев на Готню со стороны Томаровки, приказ о смене так и не был проведен мною в жизнь.

К началу операции Сумы — ст. Готня сумская группа насчитывала до 11 000 штыков, 43 орудия, 700 сабель и 2 бронепоезда.

Операция началась с переходом добровольцев в наступление против Грайворонского полка. Последний, как я и предполагал, не выдержал натиска и отошел на линию Белая—Пена, обнажив левый фланг сумской группы. После этого 3-я бригада сумской группы, будучи атакована с фронта и с фланга, тоже с большими потерями отошла на линию р. Илек на участке Вязовое—Вишневое. Между правым и левым боевыми участками образовался прорыв около 25 верст. Этим воспользовались добровольцы и заняли Грайворон, после этого матросы из Б. Писаревки отошли на Славгородок, обнажив левый фланг правого боевого участка.

Для заполнения прорыва между правым и левым боевыми участками и для прикрытия подступов к г. Сумы, со стороны ст. Готня была спешно сформирована 4 бригада тов. Шаталова в составе Белопольского (резерв командующего) и Лебединского (из 1-й бригады) полков с приказанием занять позицию в районе с. Краснополье. В указанный район прибыл только Белопольский полк, а о Лебединском полку в штабе сведений не имелось.

Командующей группой, не ожидая прибытия Лебединского полка, отдал приказ о переходе в общее наступление «для восстановления положения». Представился удобный случай подвергнуть Белопольский полк (последний резерв командующего) отдельному поражению и тем лишить командующего возможности повлиять на дальнейший ход боя, а также открыть путь на Сумы, к выполнению чего я и приступил. Прежде всего приказал командиру 4-й бригады немедленно перейти в наступление и занять ст. Готня. Соседи, 3 и 1 бригады, не будучи своевременно поставлены в известность о наступлении 4-й бригады, продолжали оставаться на месте. Благодаря этому Белопольский полк, не доходя до ст. Харитоненко, был добровольцами разгромлен; остатки полка, всего 3 роты, начали отходить через Краснополье на Сумы. Затем 367 полк (3 бригада) на приказание перейти в наступление ответил: «пришлите немедленно обмундирование и сапоги, в противном случае мы перестреляем весь командный состав и перейдем на сторону белых».

Одновременно с наступлением со стороны Готни добровольцы повели наступление и вдоль жел. дороги Кириковка—Смородино. После занятия добровольцами Ахтырки и Смородино весь правый фланг группы начал в беспорядке отходить на Сумы, причем 2 бригада была отброшена от жел. дороги на Лебедин. Командующий вновь отдал приказ о переходе в наступление «для восстановления положения».

Несмотря на этот приказ, части продолжали отходить на север, о чем не было сообщено командиру 1 бригады 57 дивизии, который занимал м. Зеньков. Неожиданный отход сумской группы поставил в критическое положение всю 1 бригаду 57 дивизии.

Достигнув линии Сумы — ст. Псел, сумская группа, за исключением небольших отрядов коммунистов, была настолько расстроена и деморализована, что совершенно не была в состоянии оказывать сопротивление противнику. Сумы были сданы почти без выстрела.

К утру 15 августа (нов.ст.) отступающие части достигли ст. Ворожба, а разъезды противника появились в районе ст. Виры.

Узнав от политкома штаба Просвирина¹⁷, что Реввоенсовет решил назначить комиссию для расследования крупных неудач на фронте и для выяснения обстоятельств сдачи Сум, я немедленно уехал в Киев, где и скрывался до занятия города частями Добармии.

В общем, состоя на службе в советском Генеральном штабе с 28 марта по 15 августа (нов.ст.) сего 1919 г., я непрерывно выполнял задания Киевского центра Русской Добровольческой армии, а именно: с 28 марта по 10 июля работал в киевском губвоенкоме в качестве помощника Генерального штаба подполковника *Соколовского* по дезорганизации формирования войсковых частей, а с 10 июля по 15 августа выполнял задания согласно вышеизложенного.

Подписал: Генерального штаба подполковник *Парв.*

С подлинным верно: И.д. начальника штаба, поручик *Радкевич* (предположительно: подпись неразборчива. — *А.Г.*).

РГВА, ф. 40238, оп. 2, д. 5, л. 49—52об. Заверенная машинописная копия; Центральный государственный архив общественных организаций Украины (ЦДАГОУ), ф. 57, оп. 2, д. 364. Фотокопия.

№ 2. Рапорт подполковника Н.Ф. Соколовского, 29 августа 1919 года

Копия.

Состоящий в штабе представителя Верховного командования Добрармии Генштаба подполковник *Соколовский*.

29 Августа 1919 г. № 5. Гор. Киев.

Представителю Верховного командования Добрармии полковнику *Баумгартену*.

С окончанием демобилизации русской армии, т.е. с 16 марта 1918 г. по 15 февраля 1919 г., я нигде не служил и от всех мобилизаций гетмана и Петлюры скрывался. В декабре 1918 г. я около недели был в штабе Добровольческой дружины генерала *Кирпичева*¹⁸.

С приходом большевиков я получил 15 февраля 1919 г. предложение от представителя Верховного командования Добрармии полковника *Ерарского*¹⁹, переданное через полковника *Станиславского*²⁰, поступить в один из штабов большевиков для информации Добрармии.

Приняв это предложение, я в первых числах марта месяца поступил в киевский *губвоенком*, в мобилизационный отдел, ведавший также и оперативными делами. Конечно, *губвоенком* не мог дать всех сведений, нужных центру, но это была первая необходимая ступень службы. Бывая во всех штабах Киева, я получал все-таки много ценных сведений, передаваемых немедленно Центру через полковника *Станиславского*. Через месяц службы я понял, что работа в пользу Добрармии может вестись двумя путями — путем информации и путем разрушений всех важнейших отраслей военного дела Красной армии.

Мой план был одобрен полковником *Станиславским*, и я начал работу. Имея в своих руках дело мобилизации и формирований Красной армии, я сразу же повел дело так, что ни одно формирование не могло пройти, а мобилизация, объявляемая в самые неподходящие моменты, не давала никакого результата. Формируемые 4 и 5 укр. дивизии, а также все вспомогательные части и местные так и остались на первой стадии развития. Приказы же о мобилизации пришлось все время отменять.

В оперативном отношении для облегчения положения Добрармии было положено в основу не дать ни одного штыка в Донецкий бассейн, а для этого теоретически составлялись многочисленные доклады об угрожающем положении внутреннего фронта.

Доклады эти рассматривались в Совнаркоме и возымели свое действие — Москве постоянно отвечали, что помощи оказать нечем. Действительно, внутренние восстания потребовали массы средств и войск. Недоформированные части бросались одна за другой на внутренний фронт и окончательно гибли.

Для отвлечения лучших сил был разработан доклад сформирования полков особого назначения. В полки эти были взяты лучшие кадры и средства полевых формирований, а это окончательно нарушило весь план спешных формирований.

В итоге к концу апреля на Донской фронт почти ничего не было отправлено, мобилизация дала плачевные результаты, внутренний фронт удерживал до 32 000 войск (подчеркнуто в документе. — А.Г.), а восстания, разжигаемые необдуманными приказами и декретами, все разрастались.

Однако к концу апреля я решил перейти в больший штаб, что и удалось сделать — я занял должность помощника начальника отдела *обороны штаба Наркомвоена*. Снискав полное доверие, я с первых же дней взял в свои руки все формирования Украины. В оперативном отношении я составлял только доклады об угрозе развивавшейся анархии внутреннего фронта. Большинство служивших в Наркомвоене офицеров Генштаба поддерживали высказываемые мною предположения. Сам же Подвойский ²¹ всецело подчинился нашему влиянию.

Программа работы по своему масштабу несколько расширилась, информацией получалось очень много, особенно о политических событиях и переброске войск.

Программа работы была такова:

- а) сбор всех ценных сведений для Центра,
- б) извлечение всех ценных документов,
- в) получение дислокаций и боевых расписаний,
- г) разрушение вновь создавшейся Украинской армии,
- д) работа по обострению отношений Укрфронта и Наркомвоена,
- е) разжигание угрозы внутренней смуты и мятежей, систематическое запугивание,
- ж) оттягивание всех лучших сил на внутренний фронт,
- з) борьба всеми силами с посылкой подкреплений на Донецкий фронт.

В течение всего мая и июня работа шла строго по программе без всяких помех.

Сбор информации давал хорошие результаты. Удалось познакомиться с важными секретными документами Совета обороны и особенно [с] секретной перепиской между Российским и Украинским Совнаркомом. Дислокации и боевые расписания получались Центром два-три раза. Что касается разрушения армии, то работа эта дала блестящие результаты. Подвойский, попавший всецело под влияние моих проектов, одобрил ряд таких неосуществимых формирований, переварить которые Украина не могла бы и в несколько лет. Создавалось сразу 6 дивизий, отдельные бригады, местные формирования, всего общим числом на 280 000 штыков, 85 000 лошадей, и массы вспомогательных частей.

Планы менялись чуть ли не ежедневно. Все это окончательно дезорганизовывало все формирования.

В лучшие моменты вся Украинская армия, формируемая Наркомвоеном, давала такие цифры: 42 000 штыков, 2200 лошадей. Некомплект был колоссален. Официальные отчеты были совершенно другие — там цифры были до 100 000 штыков, 10 000 лошадей (все дутые цифры).

На почве формирований возникла целая переписка упреков между комфронта Антоновым ²² и наркомвоеном Подвойским. Переписки-ответы (так в документе. — А.Г.) составлялись мною. Ответы Антонову настолько обострили отношения, что вмешался Центр Московский и в результате получилась отставка Антонова ²³. Одновременно разжигался вопрос о внутреннем фронте. «Бумажные» мятежи потребовали до 45 000 войск. А между тем Троц-

кий категорически требовал подкреплений на Донецкий фронт. Отписки, отговорки затягивали до бесконечности посылку подкреплений и только в середине июня решено было послать 5 укр. дивизию, но здесь вновь удалось оттянуть одну бригаду на внутренний фронт, чем тормозилась вся переброска.

Дивизия, составленная из сырого материала, брошенная по частям в бой в районе Луганска, погибла, остатки ее были переброшены в район Кирсанов—Ртищево.

Таким образом, к концу июня в итоге работа дала хорошие результаты:

Были получены важнейшие сведения, доставлены важнейшие документы, дезорганизовано все формирование Красной армии, оттянуто на внутренний фронт до 45 000 солдат, Донецкому фронту послано вместо обещанных 3-х дивизий, т.е. около 100 000 солдат, всего лишь около 8—10 000 солдат, да и те по частям разбивались (подчеркнуто в документе. — А.Г.).

В конце июня состоялась поездка Подвойского по всему фронту. В поездке сопровождали Подвойского из Генштаба я. Экзальтированный Подвойский всецело поддался моему влиянию, путем предьявления фантастических планов и проектов удалось уговорить его принять на себя командование отдельными участками фронта, на что Подвойский согласился. Успехи Добрармии требовали недопущения Петлюры к Киеву, Подвойский согласился с мнением, что самый опасный враг — это Петлюра, поэтому нужно было сосредоточить против него на Западной границе Украины значительные силы. В начале июля в районе Проскуров—Жмеринка—Вапнярка сосредоточено было до 30 000 солдат и сюда направлялись все силы в ущерб Донецкому фронту. Это создало целый конфликт между Лениным—Троцким, с одной стороны, и Подвойским, с другой. Нежелание дать помощь Красной армии Южного фронта ставило Подвойского на степень контрреволюционера и изменника. Потребована была отставка Подвойского, а из Москвы послали на Украину Дзевялтовского²⁴.

По 20 июля Подвойский оставался в роли руководителя внутренним фронтом. Своими безалаберными дезорганизующими распоряжениями Подвойский подготовлял крах фронта, чем и оказывалась помощь Добрармии. К концу июля Подвойский ушел, а я попросился в штаб командующего войсками Киевского района Павлова²⁵. Павлов — тип Подвойского, но еще более безалаберный, попал под мое влияние, и я продолжал свою работу по указанной программе. Вместо умиротворения страны получился общий пожар восстаний. Внутренний фронт требовал напряжения всех средств и сил. Со взятием Д[обровольческой] а[рмией] Екатеринослава необходимо было возможно дальше отвести войска от Днепра к западу. Намечавшаяся же изоляция Одесского округа с его войсками требовала удержания там войска для их окружения. От Днепра были оттянуты почти все силы, а для сего был выпущен даже Зеленый²⁶ из района Триполье в район Умани. Создавались, таким образом, ворота вдоль Днепра. Одесскому же округу по моим докладам не угрожала никакая опасность. Этому поверили и почти 2 1/2 дивизии остались отрезанными. С падением Полтавы и приближением Д[обровольческой] а[рмии] к Киеву обозначилась вся угроза Украине, поэтому решено было всю борьбу на внутреннем фронте поручить знаменитому «дезорганизатору» и «сдатчику» городов Ворошилову. Ворошилов предложил мне должность *начштаба внутрфронта*, на что я согласился. Создание лишнего (10-го) штаба потребовало почти недели, а между тем работа на фронте стояла. Гибли целые части, без управления, связи и помощи. Фронт таял, солдаты бежали. Истинное положение было безнадежное.

Тогда приказом Троцкого для спасения Украины был назначен Петерс²⁷, который разделил свою власть совместно с Лацисом²⁸ и Вороши-

ловым. Был вновь организован штаб Военного совета, который должен был координировать всю работу 12 армии и внутрфронта. Петерс имел в Киевском районе до 24 000 солдат. Ему был дан категорически приказ Ленина «продержаться пару дней в Киеве и Киев будет спасен». Эта задача вполне совпадала с задачей моей — удержать в Киевском районе побольше войск до их полного окружения. Поэтому на все категорические вопросы Раковского и «тройки» я отвечал, что Киев не будет сдан, да и взять его, с таким колоссальным гарнизоном, вряд ли удастся. Кроме сего, я высказывал пожелания, что[бы] правительство оставалось до последней крайности в Киеве.

Создавалась возможность полного окружения армии и правительства. Для облегчения же захвата жел. дор. Киев—Дарница и шоссе Киев—Бровары Добровольческой армией я настоял на том, что[бы] лучшие части Красной армии были переброшены на правый берег Днепра против Петлюры. Интернациональная бригада и курсанты были брошены к Василькову. Вдоль шоссе Киев—Житомир на Макаров был послан 1-й крепостной Пензенский полк (до 2000 штыков). В районе Святошино оставалась 2-я пластунская бригада как резерв. На левом берегу оставался полк курсантов и остатки 60 дивизии. В резерве в Киеве оставались еще креп. бригада, резервная — всего до 8000 штык[ов]. Из этой цифры до половины я оттянул в резерв на правый берег Днепра, в район Святошино—Пост Волынский.

Таким образом создавалась благоприятная обстановка для Добр. армии. Однако бои в течение 16—19 августа не дали ожидаемого результата — Киев не был еще отрезан. Резервы были израсходованы до последнего человека. 19-е августа должно было решить участь Киева. Состоялось до 4-х заседаний, где дебатировались вопросы сдачи или удержания Киева. Я высказывался не славить города, ожидая окружения, но его не последовало. Между тем лучшие части в панике поспешно отходили через Киев и на мосты. В городе тоже росла паника. Поэтому «тройка» решила оставить город и отходить на линию Гомель—Чернигов тремя группами: от Коростеня на Мозырь (44 — 1 укр. дивиз.), вдоль правого берега группа Павлова и вдоль левого берега — группа Миронова²⁹. Связи с частями не было, все действовали по-своему, поэтому и получилась такая паника. 24 000 армии не существовало, люди, не исполняя приказа, бросились на мосты и стихийно переправились на тот берег, дабы и дальше прорваться на Чернигов. Мосты приказано было взорвать, но мне удалось так воздействовать на подрывников, что они ушли домой и моста не взорвали. Таким образом, Киев сдавался Д[обровольческой] армии и Петлюре.

На одновременное занятое Киева двумя претендентами большевики рассчитывали как на средство «перессорить» генерала Деникина и Петлюру.

Заветная мечта — занятие Киева Д[обровольческой] а[рмией] — стала реальным вопросом, и армия была у города. Таким образом, программа до конца была использована и выполнена.

Вот моя полугодовая работа на пользу Д[обровольческой] а[рмии]. Тяжелые условия, постоянный шпионаж, расстрелы, преследования, трехкратные открытия организации — все это было тормозом для более интенсивной деятельности.

В деле информации и разрушения фронта на сумском направлении я обязан агенту Центра Генштаба подполковнику Парву.

В общем деле очень сочувственно относились Генштаба полковники Буймистров³⁰, Соколов³¹, Скворцов³², Величковский³³, капитан Образцов³⁴ и бывшие офицеры Яковлев, Можаровский, Левицкий. Яковлев и Можаровский очень много помогли в деле оттягивания сил на внутр[енний] фронт. Они же окон-

чательно разрушили фронт в районе Поста Волынского. С ними же захвачено более 100 000 руб. денег, каковые сданы контрразведке и в штаб.

Подписал: Подполковник *Соколовский*.

С подлинным верно: И.д. начальника штаба, *поручик Радкевич* (предположительно. — *А.Г.*).

РГВА, ф. 40238, оп. 2, д. 5, л. 53—55об. Заверенная машинописная копия; ЦДАГОУ, ф. 57, оп. 2, д. 364. Фотокопия.

№ 3. Доклад полковника А.В. Станиславского, декабрь 1919 года

Начальник особого отделения отдела Генерального штаба

« » декабря 1919 г. №... Г. Ростов н/Д.

Начальнику отдела Генерального штаба Военного управления

Доклад

Генерального штаба полковник Станиславский, бывший начальник Киевского Центра Добровольческой армии, в середине июля 1919 г. должен был срочно³⁵ скрыться из Киева ввиду преследования советских властей и невозможности по техническим причинам еще раз переменить фамилию и квартиру (фамилия и квартира была уже изменена несколько раз и в дальнейшем это уже угрожало безопасности других чинов Центра).

Полковник Станиславский под видом рабочего пробрался в Варшаву, а затем через Вену и Константинополь прибыл в район Добрармии, где с 1 ноября он занимает должность помощника начальника организационного отделения.

При сдаче должности начальника Центра полковник Станиславский был удовлетворен жалованием по 1 августа 1919 г.³⁶ из оклада 4000 руб. в месяц (стоимость жизни в Киеве в июле месяце была приблизительно следующая: 1 фунт хлеба 50—60 руб., мясо 40—50 руб. за фунт и т.п.)

Ввиду срочности выезда и невозможности взять с собой в дорогу ничего, кроме небольшого вещевого мешка, полковник Станиславский лишился почти всего своего белья и многих предметов первой необходимости, кои теперь ему приходится приобретать не считаясь с их стоимостью.

Ввиду вышеизложенного, а также принимая во внимание утвержденные Вашим превосходительством доклады с испрошением выдачи бывшим начальникам Киевского Центра полковнику Ерарскому 3-месячного оклада содержания и полковнику Баумгартену 2-месячного оклада содержания, полагалось бы справедливым выдать полковнику Станиславскому содержания за август, сентябрь и октябрь месяц по расчету 4000 руб. в месяц, а всего 12 000 рублей.

Испрашивается: Ходатайства Вашего превосходительства на выдачу Генерального штаба полковнику Станиславскому содержания за август, сентябрь и октябрь месяцы 12 000 рублей.

Генерального штаба полковник Архангельский³⁷.

РГВА, ф. 40238, оп. 1, д. 43, л. 341. Подлинник. Машинопись.

Примечания

1. Здесь и далее курсивом выделены сведения, имена и пр., опущенные в публикации Лисового. Парв Александр Иванович (Альберт-Эдуард Янович, 1878—1949) — из крестьян Лифляндской губернии. Эстонец. Окончил Чугуевское юнкерское училище (1902 г.), Николаевскую военную академию по второму разряду (1913 г.). Во время первой мировой войны в 281-м Новомосковском пехотном полку, командир роты и батальона. Старший адъютант штаба 2-й Заамурской пограничной пехотной дивизии (1916 г.); награжден Георгиевским оружием. Служил в гетманской армии (войсковой старшина). В РККА с 28 марта 1919 года.

- Начальник административного и мобилизационного отдела киевского губернского военного комиссариата (в июне 1919 г.). Командирован в распоряжение Харьковского окружного военного комиссариата. Начальник оперативного отдела штаба и начальник штаба группы войск Сумского направления, в июле переформированной в 41-ю стрелковую дивизию. Во ВСЮР и Русской армии; в эстонской армии (1921—1934 гг., командир 9-го отдельного пехотного батальона); полковник (1925 г.).
2. Здесь и далее даты по старому стилю, принятому на белом Юге.
 3. Фон Баумгартен Роман Карлович (1887—1963) — лютеранин, уроженец Владикавказ. Окончил Пажеский корпус (1906 г.) и Николаевскую военную академию по первому разряду (1912 г.). Служил в лейб-гвардии 4-м стрелковом полку. Старший адъютант штаба 80-й пехотной дивизии, и.д. штаб-офицера для поручений при штабе 22-го армейского корпуса (1915 г.), награжден Георгиевским оружием. И.д. начальника штаба 157-й пехотной дивизии (1917 г.). Начальник разведывательного отделения штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. Войсковой старшина гетманской армии. Начальник демобилизационной части ГУГШ (1918 г.). С конца 1918 по 1920 г. в Добровольческой армии. Заведующий оперативной частью разведывательной организации «Азбука» в Киеве (конец 1918 — август 1919 г.). Представитель ВСЮР в Киеве (1919 г.). В эмиграции в Чехословакии и во Франции.
 4. Соколовский Николай Федорович (1885—?) — окончил кадетский корпус, Николаевскую военную академию по второму разряду (1912 г.). Служил в 89-м пехотном Беломорском полку (1909 г.). Старший адъютант штаба 23-й пехотной дивизии (1915, 1917 гг.). Награжден Георгиевским оружием. И.д. начальника штаба 13-й Сибирской стрелковой дивизии (1917 г.). Штаб-офицер для поручений VII Сибирского армейского корпуса. С 1918 г. в РККА (по другим данным, до февраля 1919 г. нигде не служил, скрывался от мобилизаций). В штабе Добровольческой дружины генерал-майора Л.Н. Кирпичева в Киеве (декабрь 1918 г.). По заданию подполья поступил на службу в Киевском губвоенкомате (март 1919 г.). Помощник начальника отдела обороны организационного управления штаба Наркомата по военным делам Украинской ССР. Перешел на сторону белых. Арестован контрразведкой за службу в РККА, находился в таганрогской тюрьме; с сентября 1919 г. в ВСЮР.
 5. Скорина (Скорино) Иван Николаевич (1869—1925/1926) — окончил Николаевскую академию Генерального штаба по второму разряду (1902 г.). В украинской армии с ноября 1917 г. по февраль 1918 года. На службе в РККА (в марте 1918 г.), преподавал тактику в школе старшин, вновь в РККА с февраля 1919 г.: в Киевском губвоенкомате, помощник начальника организационного отдела управления Всевобуча при штабе Наркомата по военным делам УССР, начальник административного отдела штаба группы войск Сумского направления, начальник штаба 57-й, затем 41-й стрелковой дивизии. Помощник начальника оперативного отделения штаба Юго-Западного фронта, начальник штаба тыла Юго-Западного фронта, преподаватель Киевских инженерных курсов (1920—1921 гг.). И.д. начальника штаба 1-й пограничной дивизии (1922—1923 гг.).
 6. Шапошников Борис Михайлович (1882—1945) — советский военный деятель. Окончил Николаевскую военную академию по первому разряду (1910 г.), Маршал Советского Союза (1940 г.).
 7. Григорьев Алексей Федорович (?—1919) — окончил Николаевскую академию Генерального штаба по второму разряду (1909 г.). Служил в Харьковском окрвоенкомате, штабе Харьковского военного округа (1919 г.). Начальник штаба 41-й стрелковой дивизии 14-й армии. Расстрелян в Глухове.
 8. Сумской группой войск командовал Молкочанов Михаил Васильевич (1877—1924). Из дворян. Последнее звание в старой армии — подполковник. Окончил Киевское военное училище (1901 г.), ускоренные курсы 2-й очереди Николаевской военной академии (1917—1918 гг.). Служил на штабных должностях в 29-м армейском корпусе. Добровольно поступил на службу в РККА (1918 г.). Командовал группой войск Сумского (с 25 июня 1919 г.), затем группой войск Харьковского направления, начальник 41-й стрелковой дивизии. Помощник командующего 8-й армии, начальник штаба, командующий 14-й армии (1920 г.). Командующий войсками Армении (1921 г.). Начальник штаба и вр.и.д. командующего войсками Тамбовской губернии, начальник штаба Орловского военного округа, начальник штаба Сибирского военного округа (1921—1923 гг.).
 9. Пархоменко Александр Яковлевич (1886—1921) — член РСДРП с 1904 года. Рабочий. Начальник штаба красной гвардии Луганска. Командир красногвардейского отряда, действовавшего против А.М. Каледина. Начальник штаба 1-го Луганского социалистического отряда. Командир отряда и бронепоезда 5-й армии. Участник обороны Царицына; особоуполномоченный РВС 10-й армии (1918 г.). Харьковский губернский военный комиссар, уполномоченный по снабжению Харьковского военного округа, командующий группой войск против Н.А. Григорьева. Командующий группой войск при обороне Харькова. Особоуполномоченный РВС 1-й Конной армии (1919 г.). Начальник 14-й кавалерийской дивизи-

- зии (1920—1921). Погиб в бою с махновцами в районе села Бузовцы (Жашковский район Черкасской области Украины).
10. Саблин Юрий Владимирович (1897—1937) — командир Красной армии. Из семьи книгоиздателя. Левый эсер (1917—1918 гг.). Член РКП(б) с 1919 года. Окончил школу прапорщиков (1917 г.). Участник боев в Москве и на Дону. Командовал 4-й армией (1918 г.), действовавшей против немцев. Военный комиссар Московского района Западного участка отрядов завесы. Участник восстания левых эсеров в Москве. Приговорен ревтрибуналом к году тюремного заключения. Амнистирован ВЦИК. Командовал повстанческими отрядами на Харьковщине (с декабря 1918 г.). Командир 11-го советского Украинского полка. Командир бригады, командующий группой войск 14-й армии (1919 г.), начальник 41-й стрелковой и др. дивизий (1920—1921 гг.). Окончил Военную академию РККА (1924 г.), Высшие академические курсы (1923 г.). Командир 17-го стрелкового корпуса (1925—1928 гг.). Помощник инспектора пехоты РККА. Комендант укрепрайона, комдив. Расстрелян.
 11. Ермолов Николай Николаевич (1887—?) — окончил Павловское военное училище и Николаевскую военную академию по первому разряду (1914 г.). Во время первой мировой войны на штабных должностях в 34-м армейском корпусе (1915—1917 гг.). Добровольно поступил на службу в РККА весной 1918 года. Помощник заведующего учебной частью военных курсов в Торжке (1918 г.). Начальник оперативного отделения штаба группы войск Сумского направления, затем штаба Особого корпуса (1919 г.). Помощник начальника штаба 41-й стрелковой дивизии.
 12. Рухимович Моисей Львович (1889—1938) — из семьи слесаря, учился в Харьковском технологическом институте (окончил один курс). С 1904 г. в социал-демократическом движении. Член рабочей организации «Бунда». В эмиграции (1906—1909 гг.). Член РСДРП(б) с 1913 года. Участник первой мировой войны. Председатель военной секции Харьковского Совета, председатель ВРК и штаба Красной гвардии (декабрь 1917 г.). Командир рабочего отряда в период борьбы с Калединым. Нарком по военным делам Донецко-Криворожской советской республики, военный комиссар Центрального управления по формированию Красной армии Украинской ССР (1918—1919 гг.), член СНК Украинской ССР, член РВС группы войск Сумского направления. Военный комиссар 41-й стрелковой дивизии, 14-й армии (1919—1920 гг.). Председатель Донецкого губисполкома, Бахмутского уездного исполкома (1922—1923 гг.). Управляющий трестом «Донуголь». Член ЦК, Оргбюро РКП(б)—ВКП(б), председатель ВСНХ Украинской ССР (1925—1926). Зам. председателя ВСНХ СССР (1926—1930), нарком путей сообщения СССР (1930—1931). Зам. наркома тяжелой промышленности, нарком оборонной промышленности СССР (1936—1937 гг.). Член ВЦИК СССР. Расстрелян.
 13. Иванов А. — заместитель окружного военного комиссара Харьковского военного округа (июнь 1919 г.).
 14. Артем (Сергеев Федор Андреевич) (1883—1921) — особоуполномоченный, член РВС войск Сумского направления, военный комиссар 41-й стрелковой дивизии. В энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР» ошибочно указано, что военкомом 41-й дивизии был некто Артемов (Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М. 1987, с. 563).
 15. В публикации Лисового ошибочно — Ворскла.
 16. Командюж — командующий Южным фронтом.
 17. Просвирин С. — военный комиссар штаба группы войск Сумского направления, затем военный комиссар 41-й стрелковой дивизии.
 18. Кирпичев Лев Нилович (1876—1928) — из дворян Псковской губернии. Родился в семье инженер-генерала Н.Л. Кирпичева. Окончил Константиновское артиллерийское училище (1899 г.), Офицерскую артиллерийскую школу. Командир 2-й батареи (1914 г.), 3-го дивизиона лейб-гвардии Конной артиллерии (1916—1917 гг.). Получил ряд боевых наград. Командир Сводного корпуса гетманской армии. Служил у А.В. Колчака. На 1920 г. во Владивостоке. Умер в эмиграции в Луксоре (Египет).
 19. Ерарский Николай Владимирович (1887—1966). Окончил Московский кадетский корпус, Павловское военное училище и Николаевскую военную академию по первому разряду (1913 г.). Служил на штабных должностях во 2-й Туркестанской стрелковой бригаде, 25-м армейском корпусе (1915—1917 гг.). Руководитель Киевского центра (1918—1919 гг.). В 1919—1920 гг. в ВСЮР, затем в эмиграции в Турции, США.
 20. Станиславский Андрей Васильевич (1883—1941) — из дворян. Окончил Нижегородский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище, Николаевскую военную академию по первому разряду (1911 г.). Во время первой мировой войны в штабе 4-й армии (1915—1917 гг.); военный консультант на мирных переговорах в Брест-Литовске. На службе в ГУГШ. Вр.и.д. начальника военно-статистического отдела Всероглаштаба (1918 г.). Член комиссии по организации разведывательного и контрразведывательного дела. Начальник разведчасти Всероссийского Главного штаба. Фактический руководитель зарубежной агентур-

- ной разведки в 1917—1918 годах. В антибольшевистском подполье в Киеве (октябрь 1918 — 1919 г., Киевский центр Добровольческой армии). В ВСЮР (с сентября 1919 г.). В штабе Главнокомандующего Русской армией (1920 г.). В эмиграции — в Сербии и во Франции. Начальник канцелярии 1-го отдела РОВС (до 1937 г.). Кавалер многих боевых орденов.
21. Подвойский Николай Ильич (1880—1948) — видный советский партийный и государственный деятель. Наркомвоенмор Украинской ССР в 1919 году.
 22. Антонов-Овсеенко Владимир Александрович (1883—1938) — советский партийный, военный и государственный деятель. Член РВСР в 1918—1919 годах. Командующий Украинским фронтом, член совета обороны УССР (январь—июнь 1919 года.).
 23. Явное преувеличение, отставка Антонова-Овсеенко произошла по ряду причин помимо деятельности белых подпольщиков.
 24. Дзевалтовский (Гинтовт-Дзевалтовский) Игнатий Леонович (1888—1925) — польский революционер. Из дворян. Окончил Виленское реальное училище, учился в Львовском политехническом и Петербургском психоневрологическом институте, окончил Павловское военное училище (1915 г.). Штабс-капитан гвардии. Член Польской партии социалистов (с 1908 г.), член РСДРП(б) с апреля 1917 года. Член Петроградского ВРК, комиссар Зимнего дворца, заместитель командующего войсками Петроградского военного округа в октябре 1917 года. Главный комиссар Главного управления военно-учебных заведений, комиссар Всероссийского Главного штаба, уполномоченный для представления интересов военного ведомства при ВЧК, нарком по военным и морским делам Украинской ССР (1918—1919 гг.). Помощник командующего Восточным фронтом, член РВС 5-й армии и Дальбюро ЦК РКП(б) (1919—1920 гг.); военный министр, министр иностранных дел Дальневосточной республики (ДВР). Дипломатический представитель ДВР в Китае (1920—1921 гг.). Уполномоченный Наркомата рабоче-крестьянской инспекции РСФСР и член экономического совета Юго-Востока РСФСР (1922—1923 гг.). Представитель Исполкома Коминтерна при компартии Болгарии (1924 г.). Резидент Разведупра Штаба РККА в Прибалтике (1925 г.). Бежал в Польшу (1925 г.). Советник маршала Ю. Пилсудского. Предположительно, отравлен советскими агентами.
 25. Павлов Павел Андреевич (1892—1924) — из семьи генерал-лейтенанта. Окончил Тифлисский кадетский корпус, в 1909—1914 гг. учился на механическом отделении Петербургского политехнического института, был исключен; окончил Ораниенбаумскую школу прапорщиков (1915 г.). Сотрудничал с газетой «Правда». В 1910 и 1914 гг. подвергался арестам за революционную деятельность. Служил в лейб-гвардии Волынском полку, трижды ранен. С октября 1917 г. капитан гвардии. Член РКП(б) с 1919 года. Командовал повстанческим отрядом на Киевщине, действовавшим против немцев (1918 г.). Руководил борьбой с бандитизмом, командовал войсками Киевского боевого района, Правобережной группой войск 12-й армии, отдельной стрелковой бригадой Ударной группы Южного фронта, бригадой Эстонской стрелковой дивизии (1919—1920 гг.). Начальник и комиссар Московского управления военно-учебных заведений. Командир Сводной курсантской дивизии, участвовавшей в ликвидации Тамбовского восстания в 1920—1921 годах. Помощник командующего, командующий Бухарской группой войск (1921—1922 гг.). Начальник и комиссар Высшей стрелковой школы «Выстрел». В 1923 г. командовал 13-м стрелковым корпусом, действовавшим в Восточной Бухаре против басмачей. Был командирован в Китай к Сунь Ятсену в качестве главного военного советника (1924 г.). Утонул при переправе через р. Дунцзян. Имел много боевых наград.
 26. Зеленый (Терпило Даниил Ильич) (1886—1919) — атаман повстанческого отряда. Фактический руководитель «Приднепровской республики» на территории нескольких южных уездов Киевской губернии. Созданная им Днепровская повстанческая дивизия (около 2500 штыков и сабель) вошла в состав Осадного корпуса Е. Коновальца, занявшего Киев. Вступил в конфликт с Петлюрой и в январе 1919 г. распустил дивизию, начал борьбу против петлюровской Директории; сотрудничал с красными, но затем поднял восстание в Триполье, уничтожил большевистских агитаторов и продотряд. Погиб в бою с денкинцами у Канева.
 27. Петерс Яков Христофорович (1886—1938) — полномочный представитель ВЧК на Украине, комендант Киевского укрепрайона (1919 г.).
 28. Лацис (Судрабс) Мартын Иванович (1888—1938) — председатель Всеукраинской ЧК, член коллегии НКВД Украины, председатель Киевской губчека (1919 г.).
 29. Миронов — личность не установлена.
 30. Автор документа неточен. Буймистров в старой армии имел звание генерал-майора. Буймистров Владимир Иванович (1868 — не ранее 1931 г.) — окончил Киевский кадетский корпус (1886 г.), 2-е Константиновское училище, Николаевскую академию Генерального штаба (1894 г.). Генерал-майор (1914 г.). Начальник штаба 16-го армейского корпуса (1914—1917 гг.). Начальник 160-й пехотной дивизии (1917 г.). В 1918 г. на службе в ВСНХ, был мобилизован в РККА. В штабе Наркомвоена УССР был начальником отдела по устройству войск, мобилизационного управления. В 1919—1920 гг. в штабах 14-й и 12-й армий, с 1921 г. — в штабе

- Киевского военного округа. Уволен по предельному возрасту в 1922 г., подвергался аресту по делу «Весна».
31. Соколов Лев Корнилиевич (1879—1937) — окончил 2-й кадетский корпус, Павловское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду (1906 г.). Причислен к Генеральному штабу. Генерал-майор. Командир 311-го Кременецкого пехотного полка. В 1915—1916 гг. был награжден Георгиевским оружием и боевым орденом. Начальник штаба I Туркестанского армейского корпуса (1917 г.). В 1918 г. на службе в украинском Министерстве продовольствия; добровольно вступил в РККА. В эмиграции — в Турции.
 32. Сковрцов Юрий Всеволодович (1882—?) — окончил Киевский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище и Николаевскую военную академию (1912 г.). Подполковник, служил в 29-й артиллерийской бригаде, в штабе 4-го армейского корпуса, штабе 5-й армии (1915—1917 гг.). В 1918—1919 гг. в РККА — в демаркационной комиссии на Западном фронте (1918 г.). Имел боевые награды.
 33. Величковский Яков Васильевич (1874—?) — окончил Виленское пехотное юнкерское училище и Николаевскую военную академию (1912 г.). В 1915—1917 гг. на штабных должностях в 9-й пехотной дивизии, 6-м Сибирском армейском корпусе. В 1918—1919 гг. на службе в украинской армии, с августа 1919 г. в РККА, затем перешел на сторону белых. В эмиграции — в Сербии (Субботица).
 34. Обрацов Андрей Андреевич (1883—?) — окончил старший класс ускоренных курсов 1-й очереди Николаевской военной академии (1916 г.). Переведен в Генеральный штаб. Последнее звание в старой армии — капитан. В 1918 г. сотник в украинской армии, в 1919 г. — в РККА, в штабе отряда особого назначения по борьбе с повстанческими бандами.
 35. В рапорте самого Станиславского начальнику отдела Генерального штаба военного управления от 19 ноября 1919 г., в целом повторяющем текст публикуемого документа, отмечено, что ему пришлось скрыться в течение двух часов (РГВА, ф. 40238, оп. 1, д. 43, л. 343).
 36. По новому стилю.
 37. Архангельский Петр Григорьевич (1886 (1887?) — 1936) — окончил Николаевскую военную академию (т.н. выпуск 1915 г.). Служил в 138-м Болховском пехотном полку (1909—1916 гг.). В 1916—1917 гг. в штабах 35-й пехотной дивизии и 1-го гвардейского корпуса. С июня 1918 г. в Добровольческой армии, начальник Особого отделения отдела Генерального штаба военного управления. Эвакуировался из Крыма. Начальник политической разведки при П.Н. Врангеле. Начальник информационного отдела штаба Главнокомандующего Русской армией (Сербия, Сремски Карловцы, на 1922 г.). Переехал во Францию, работал шофером такси. Читал лекции по военной географии на Высших военно-научных курсах в Париже (1927 г.). Редактор военного отдела журнала «Часовой». Секретарь 1-го отдела РОВС и Общества офицеров Генерального штаба.